

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 2 (44)

март —

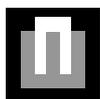
апрель

2017

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.

Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:

республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала

ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович,

доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА, заместитель главного редактора, кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ,

ответственный редактор, кандидат психологических наук;

Г. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат социологических наук, доцент;

О. В. ВАНИНА;

С. И. КОПТЕВА, кандидат психологических наук, доцент;

Т. И. КРАСНОВА, кандидат психологических наук;

Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических наук, профессор;

Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических наук, профессор;

О. В. МАТЮХОВА;

А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических наук, профессор;

А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат психологических наук, доцент;

Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ, председатель, доктор философских наук, профессор;

А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических наук, профессор (РФ);

Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор;

Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;

А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских наук;

П. МЕРИНГОЛО, профессор департамента психологии (Италия);

Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат педагогических наук;

Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор психологических наук, профессор;

И. А. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор;

Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии (США);

В. А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор

ПРОЕКТ ИНДИВИДУАЛОГИИ А. А. ГАЙВОРОВСКОГО В ЗЕРКАЛЕ проблемы схизиса в психологии

Имя Александра Александровича Гайворовского вписано в историю психологии Беларуси если не золотыми, то (если так можно выразиться) серебряными буквами, наряду с именами С. М. Василейского и С. М. Вержболовича¹. Будучи сотрудником, а с определенного момента — руководителем Центральной психотехнической лаборатории при Наркомате труда БССР, организованной в 1925 году, он фактически стал одним из основоположников практической психологии в нашей стране.

Опубликованная в данном номере журнала работа Гайворовского «Биологические и социальные основы современной психологии» первоначально была издана в «Трудах Белорусского государственного университета» в 1928 году. Текст статьи был написан почти девяносто лет назад, и сегодня она поражает своей наивностью, несоразмерностью между грандиозностью задачи, которую ставит перед собой автор, и скромностью теоретических средств, которыми он располагает для ее решения. Но, несмотря на это, было бы неправильным считать, что работа имеет сугубо историко-архивный интерес, так как она обозначает ряд проблем, существующих в психологической науке, и сохраняющих свою актуальность по сей день. Поэтому целью моей статьи является не только экспозиция и критика, но и рассмотрение через призму текста Гайворовского неизменной для психологии проблемы схизиса.

**Ольга
Феликсовна
ОРИШЕВА,**

*кандидат
философских наук,
доцент кафедры
общей
и организационной
психологии
Института
психологии БГПУ
им. Максима Танка*

Подвергать статью Гайворовского критическому разбору одновременно и просто, и сложно. С одной стороны, текст действительно уязвим для критики — в каждом абзаце, если не в каждой строке, автор, не проговаривая оснований, сводит воедино то, что воедино сведено быть не может и не должно. Терминологическая сумятица, поспешность, недодуманность и недоаргументированность приводят к тому, что автор отходит от поставленной им невероятно сложной и до сих пор нерешенной задачи — преодолеть мозаичность психологии, объединить различные подходы в рамках единой дисциплины, изучающей целостную человеческую личность.

По тем же причинам критиковать работу Гайворовского оказывается достаточно сложно: в ней много нестыковок, и вопросы к автору (и даже некоторый протест) возникают буквально с первых строк. Само назва-

¹ Наиболее полную информацию о биографии и деятельности А. А. Гайворовского можно найти в книге Л. А. Кандыбовича и Н. Ю. Стоюхиной «Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20—30 гг. XX ст.)» [1].

ние статьи — «Биологические и социальные основы современной психологии» — не отражает содержания, так как обозначенная антитеза не является основной смысловой осью текста: противопоставлению (и синтезу) подвергаются не две, а пять позиций, или, как выражается автор, плоскостей исследования личности.

Далее Гайворовский выделяет пять течений современной ему психологии (экспериментально-психологическое, философско-феноменологическое, реактологическое, бихевиористское и рефлексологическое), обходясь без какого-либо критерия, в соответствии с которым те или иные имена оказываются поставленными в один ряд. Например, имя Вильгельма Вундта соседствует с именем Карла Штумпфа² на том, видимо, основании, что оба практикуют экспериментальные методы исследования. Однако можно ли игнорировать тот факт, что эти ученые опираются на разные модели сознания, что Штумпф, будучи последователем Франца Brentano, по многим параметрам оказывается гораздо ближе к феноменологической традиции, чем к психологии Вундта? Можно ли без оговорок ставить в один ряд имена Джона Уотсона и Владимира Вагнера, и в то же время не принимать во внимание созвучие методологии бихевиоризма и русской рефлексологии? Почему в начале статьи бихевиоризм и реактология разводятся, а несколькими страницами далее оказывается, что, как минимум, объект изучения у них практически один и тот же?³

Такого рода неувязок, о которые спотыкается взгляд и ум читателя, в статье немало. Но отвлечемся на время от частностей и воспроизведем структуру и общий пафос работы. Статья представляет собой попытку ответить на вопрос «Какая научная дисциплина должна изучать личность, какими методами и с какими предпосылками и целями?» [2, с. 260]. Автор фиксирует ситуацию спора, который разворачивается между обозначенными выше направлениями, и берется его разрешить. Следующим после определения основных течений в психологии шагом оказывается выделение пяти основных плоскостей исследования, соотносительность которых с направлениями не прописывается, но, по всей видимости, подразумевается.

1) Феноменологическая, предполагающая исследование содержания сознания в их закономерном развертывании (экспериментальная психология).

2) Интенциональная плоскость исследования систем смыслов и значений в сознании (философско-феноменологическое направление).

3) Социологическая, в рамках которой внешние и внутренние проявления личности рассматриваются как производные от влияний «социальной среды, эпохи, и классовых и национальных противоречий, заключенных в ней» (реактология) [2, с. 261].

4) Биологическая, в которой поведение и переживания рассматриваются в контексте адаптации, связываемой Гайворов-

² Помимо Штумпфа рядом с именем Вундта Гайворовский ставит имена Штерна и Нечаева.

³ Иногда создается впечатление, что статья по каким-то причинам просто не была аккуратно вычитана. Так, когда Гайворовский формулирует задачи индивидуологии — новой дисциплины, призванной интегрировать разрозненные знания о человеческой личности, первой задачей оказывается построение социально-биологической типологии [2, с. 267]. Однако речь в данном случае идет о выявлении типов «органической структуры» (конституции), и указание на социальную составляющую (социально-биологическая типология), по сути, оказывается излишним. В заключительной части текста тот же самый раздел индивидуологии именуется просто биологической типологией. Другим примером является определение характера как «системы (типа) жизнепроявлений» [2, с. 271], как если бы понятия системы и типа были взаимозаменяемы. Чуть ниже характер описывается как «сложная равнодействующая между средой и организмом» [2, с. 272] (как равнодействующая может быть сложной?).

ским с раскрытием заложенных в личности тенденций и задатков (бихевиоризм)⁴.

5) Физиологическая, где во главу угла ставятся физиологические процессы (рефлексология).

Следующий шаг Гайворовского связан с выделением объектов исследования обозначенных им направлений. Поскольку, по утверждению автора, пять направлений «пользуются в различных сочетаниях» с пятью «плоскостями», определение объектов разворачивается как выяснение этих сочетаний, точнее, обозначение тех аспектов проявлений личности, которые они учитывают и, что важнее, не учитывают. Так, к феноменологии обращен упрек в том, что она рассматривает сознание вне связи «со всей количественно-качественной многообразностью среды»; кроме того, в ней упускается биологическая составляющая личности [2, с. 262]⁵. Недостатком рефлексологии становится то, что «ее методика не допускает психологических, интенциональных и феноменологических категорий и терминов, равно как и социологических» [2, с. 263]. Экспериментальная психология грешна тем, что мало учитывает влияние социальной среды и уделяет «недостаточно внимания вопросу о биологических проявлениях личности» [2, с. 264]⁶. Реактологии и бихевиоризму

вменяется в упрек то, что они (в разной степени) грешат «эклектичностью и механичностью соединения в своем фактическом содержании самых разнообразных методов и направлений, часто внутренне противоположных, а иногда и противоречащих друг другу» [2, с. 264].

Следующий шаг рассуждения хорошо предсказуем: если различные направления учитывают лишь отдельные аспекты личности, надо как-то свести их воедино. Как пишет Гайворовский, «может быть, в основу изучения личности и ее проявлений следует положить принцип не бессистемной борьбы одних направлений с другими, не принцип соперничества различных научных течений, а принцип их глубокого и дружного сотрудничества, позволяющий использовать со всей максимальной возможностью достижения одного направления для уточнения и расширения и углубления сотрудничающих с ними направлений» [2, с. 266]. Остается только представить теоретическую модель той самой целостной личности как предмета исследования, в которой аспекты-плоскости были бы скреплены между собой непротиворечивым образом, и благодаря такой модели закрепить систему разделения научно-психологического труда между пятью направлениями. Однако Гайворов-

⁴ Если проблема адаптации как разворачивания внутренних потенций личности действительно, а не только по видимости, связывается Гайворовским с бихевиоризмом, это дает еще один повод для недоумения, так как Уотсон, будучи инвайронменталистом, стремится свести внутренние аспекты поведения — инстинкты, базовые аффекты — к возможному минимуму.

⁵ Тех, кто более-менее знаком с феноменологической моделью Гуссерля, не может не поразить наивность такой квалификации, так как сама «феноменологическая установка», способность сосредоточения на имманентной жизни сознания становится возможной только в результате жесткой многоступенчатой процедуры феноменологической редукции. Получается, что критика феноменологического подхода в данном случае ведется с позиции так называемой «естественной установки», с преодоления которой начинается феноменологическое исследование.

⁶ В данном контексте примечателен следующий пассаж Гайворовского: «громадной заслугой экспериментальной психологии, несомненно, служило то, что она помогла нам реально почувствовать и понять все то многообразие индивидуальных отличий, которое имеется в жизни и внутреннем мире различных людей». По всей видимости, автор имеет в виду В. Штерна, однако высказывание автоматически распространяется и на других психологов, которых Гайворовский причисляет к экспериментальному направлению. Например, на Вундта, который, будучи нацеленным на описание трансцендентного человеческого разума, «считал исследование индивидуальных различий иностранным влиянием, а их существование — досадной помехой» [3, с. 190].

ский пропускает этот этап, видимо потому, что для него существование пятиаспектной личности является онтологическим фактом, который делает излишней такого рода работу. Его следующим шагом становится постулирование основных задач новой синтетической дисциплины — *индивидуалогии*.

В формулировке задач индивидуалогии Гайворовский отказывается от «магического» числа пять, заменяя его числом семь. При этом соотносительность задач с пятью возможными плоскостями исследования несколько смазывается, и относительная стройность системы задач обеспечивается (хоть и не совсем последовательно) за счет применения элементов диалектики. Новая наука должна содержать разделы:

1) о типах конституции (*биологическая типология*);

2) о влияющих на личность внешних факторах, как биологических, так и социальных (*факторология*);

3) о внутриличностных факторах, задатках (*потенциология*);

4) о характере⁷ (*характерология*);

5) о физиологических механизмах нервной системы (*реактология* и *рефлексология*);

6) о внутреннем содержании личности (*психология* как субдисциплина, изучающая интроспективно понимаемое сознание);

7) о вопросах адекватности содержания сознания внешней реальности (*гносеология* и *феноменология*)⁸.

Если первые четыре задачи связаны между собой хотя бы формально, присоединение остальных трех происходит по принципу «и это тоже важно». Но более интересным в данном случае является не столько выбор задач, сколько сами формулировки, обосновывающие их важность, так как в них отчасти видимыми становятся допущения автора о природе человеческой личности.

На данном этапе анализа необходимо выйти на уровень обобщения, дистанцироваться от структуры и особенностей конкретного текста. Решение этой задачи облегчается благодаря обращению к другому тексту, который по сей день может рассматриваться как «золотой стандарт» философского и методологического анализа проблем психологической науки. Речь идет о работе Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», которая по символическому совпадению выходит лишь на год раньше статьи Гайворовского, в 1927 году. Сравнить блестящий, хирургически выверенный анализ Выготского и удивительно наивную статью Гайворовского не имеет смысла: несмотря на то, что оба текста возникают в рамках одной и той же исторической ситуации психологической науки, они несопоставимы по масштабу и глубине. Достаточно указать, что, если Выготский работает над тем, чтобы дать точный, позволяющий обозначить пути выхода диагноз кризиса, Гайворовский, похоже, просто не осознает масштаб проб-

⁷ Выделение проблемы характера в отдельный блок исследований обосновывается «диалектически»: характер, по Гайворовскому, обусловлен конституцией (задача № 1), влиянием окружающей среды (задача № 2) и задатками (задача № 3). Таким образом, речь может идти о чем-то наподобие диалектического синтеза.

⁸ После того как задачи новой дисциплины обозначены, следует оптимистичный финал — противоречия устранены, объединение состоялось. «Здесь мы имеем ту же картину изучения различных областей, объединенных единым, но многогранным объектом, как в физике, химии, медицине, педологии и целом ряде других научных дисциплин, которые также делят крайне сложные объекты своего изучения на целый ряд вполне определенных конкретных задач и областей (как, например, физика, являясь наукой о физических явлениях, имеет следующие отделы с различной и своеобразной методикой их исследования: учение о газах, об электричестве, о теплоте и т. д.). При этом говорить об эклектике здесь, конечно, совершенно невозможно, так как налицо стройная система, объединяющая между собою все эти отдельные задачи научного исследования (курсив мой — прим. автора)» [2, с. 275—276].

лемы и лишь выражает недоумение, что психологи разных направлений до сих пор не консолидировали свои усилия⁹. Текст Гайворовского, если бы Выготский был с ним знаком, пожалуй, мог бы быть упомянут в «Психологическом кризисе» в контексте критики методологической неискушенности¹⁰. Работа Выготского необходима нам именно для того, чтобы выйти на уровень обобщения и, в конечном итоге, попытаться связать статью Гайворовского с актуальными проблемами психологического знания.

«Исторический смысл психологического кризиса» по-прежнему сохраняет значение антитезы наивной (ставшей архаичной благодаря развитию методологии науки) позитивистской убежденности в том, что ученый описывает реальность «как она есть». Как мы хорошо знаем, Выготский категорично утверждает, что ученый, независимо от его дисциплинарной прописки, не может быть свободен от философии, и всегда явно или — что гораздо хуже —

неосознанно опирается на ту или иную систему представлений метафизического порядка¹¹. Поверх этого базового слоя должна надстраиваться методология, превращающая абстрактные философские допущения в инструменты эмпирического исследования. Таким образом, только будущи концептуализированной, реальность становится доступной для научного изучения. Само опознание некоторого явления как научного факта опосредовано теоретической «оптикой» исследователя, и именно поэтому механический перенос или объединение «фактов» (и принципов), обнаруженных и сформулированных в разных областях науки, оказывается, как минимум, проблематичным¹². Именно поэтому для Выготского поиски «третьего пути» в психологии, создание гибридных образований вроде фрейдомарксизма и амбициозные попытки всеобъемлющего синтеза наподобие «обновленной системы наук» в духе Н. Н. Ланге заведомо оказываются несостоятельными¹³.

⁹ «Казалось бы, что все они (представители разных направлений) должны были бы ставить объектом своего изучения личность во всем многообразии ее проявлений и состояний» [2, с. 262], но почему-то этого не происходит. По мнению Гайворовского, устранение разногласий является технической задачей. «Необходимо лишь так внутренне дифференцировать эту науку о личности и ее социальных и биологических проявлениях и переживаниях, чтобы между всеми этими отделами имелась гармоническая и последовательная связь, и чтобы в науке о личности сконцентрировались самые многообразные области изучения, начиная с естественно-научных дисциплин и кончая дисциплинами социологическими и философскими» [2, с. 266].

¹⁰ Типологически проект Гайворовского ближе всего к попытке Н. Н. Ланге решить проблему путем «критической оценки всех современных психологических направлений и попытки их соглашения» [4, с. 373].

¹¹ «Естествоиспытатели воображают, что освобождаются от философии, когда игнорируют ее, но они оказываются рабами в плену самой скверной философии, состоящей из мешанины отрывочных и бессистемных взглядов, так как исследователи без мышления не могут двигаться ни на шаг, а мышление требует логических определений» [4, с. 369].

¹² «Уже сейчас психоанализ, бихевиоризм и субъективная психология оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами. Такие несомненные, реальнейшие, известные всем факты, как эдипов комплекс психоаналитиков, просто не существуют для других психологов, для многих это самая дикая фантазия. Для В. Штерна, в общем благосклонно относящегося к психоанализу, психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь же несомненные, как измерение температуры в госпитале, а значит, и факты, существование которых они утверждают, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия» [4, с. 299—300].

¹³ Стоит напомнить, что в «Историческом смысле психологического кризиса» Выготский разбирает еще одну стратегию объединения психологического знания, которая остается за рамками рассмотрения в данной статье: «аннексию территорий», когда определенная область знания стремится вобрать и подчинить себе остальные.

Если мы принимаем координаты, задаваемые Выготским, за исходные, то индивидуологию Гайворовского можно однозначно квалифицировать как мертворожденную дисциплину. Курьезно, что, призывая к синтезу пяти направлений в психологии, Гайворовский задает риторический вопрос: «Не пора ли *пересмотреть самые основы каждого из указанных научных направлений* (курсив автора), для того, чтобы попытаться создать стройную систему плоскостей научного исследования личности, в которых могли бы разместиться все указанные течения, без всякого умаления их научного достоинства» [2, с. 266]. Курьезность ситуации состоит в том, что требование пересмотра основ, адресованное, в первую очередь, самому автору, остается у него без ответа. Если бы Гайворовский последовательно осуществил такого рода ревизию — пересмотр самых основ, — его статья вряд ли оказалась бы в типографии, так как в этом случае стала бы очевидной вся утопичность идеи «создать стройную систему плоскостей».

Однако вернемся к тексту Гайворовского. Исходя из утверждения Выготского о том, что исследователь, «поскольку он не техник, регистратор и исполнитель, есть всегда философ, который во время исследования и описания мыслит о явлении» [4, с. 365], попытаемся реконструировать философские допущения белорусского психотехника, восстановить тот синтетический объект — целостную личность, — на исследования которой должны быть направлены усилия представителей разных психологий. Как мне кажется, определяющим для этих представлений является разновидность классического идеалистического принципа тождества бытия мышления, который у Гайворовского работает на двух уровнях: онтологическом, то есть в самом мире, частью которого является искомая «личность», и на уровне методологическом, определяющем познавательные возможности ученого.

В целом трактовка личности у Гайворовского совпадает с обыденным пониманием того, что представляет собой человеческий индивид. Это биологический организм, наделенный интроспективно понимаемым сознанием, помещенный в среду, от которой исходят социальные и чисто физические воздействия. Надындивидуальные аспекты сознания («красота, классовость и политическая сознательность») каким-то образом локализованы в сознающем теле [2, с. 274]. Однако самое интересное впереди. Примечательно то, как Гайворовский решает психофизическую проблему: в его трактовке сознание («внутреннее содержание личности») является «сложной системой органических процессов нервной системы» [2, с. 274]. Так, понимаемая личность оказывается прозрачной для самой себя: у нее отсутствует бессознательное в конвенциональном значении этого слова; бессознательное рассматривается как «чисто физиологический или биологический процесс», который, в свою очередь, каким-то непостижимым образом дан, представлен в сознании. Психика «как проявление многообразно и сложно организованной материи (нервная система человека) является тем *фокусом и интерпретатором*, в котором находят свое выражение большинство актов физиологических механизмов нашей нервной системы. ... Внутренне личность нередко *непосредственно создает*¹⁴ всю ту иерархию механизмов, которой она располагает, и всегда более или менее совершенно пользуется этими механизмами для своих практических целей, например, при создании у себя целого ряда привычек... Личность и индивидуальность сознательно и бессознательно управляет всеми механизмами своих проявлений» [2, с. 273]. Заметим, что такая позиция лишь по видимости является материалистической: испокон веков существующая и по-разному формулируемая проблема разнородности двух рядов явлений снимается за счет почти полного растворения материального в стихии сознания.

¹⁴ Курсив в данном фрагменте мой — прим. автора.

Сходным образом разрешается философская проблема познания внешнего мира: «внутреннее содержание личности» у Гайворовского оказывается не только «реальным интенционально-биологическим центром организма, расшифровывающим ему значение перемен, происходящих... в самом организме», но и центром, расшифровывающим значение перемен «в окружающей среде» [2, с. 274]. Коль скоро сознание наделяется такими широкими полномочиями, заключительный раздел индивидуологии — гносеология как «учение об адекватности отображения в нашем знании и во внутреннем содержании личности фактов и закономерностей внешнего мира» [2, с. 275] — оказывается просто избыточной, так как проблема познания снимается, не будучи поставленной. По сути, избыточной оказывается сама наука, независимо от того, на что она направлена — на мир сознания или материальный мир. Единственной проблемой оказывается сопряжение внешних и внутренних факторов, которое, насколько можно судить, ставится Гайворовским во главу угла.

Как пишет автор, личность — это «организм, стоящий на определенной ступени органического развития и находящийся в определенной социальной среде, со всем тем богатством и многообразием влияний и взаимообусловленностей, которое из этих моментов проистекает» [2, с. 262]. Если моя догадка верна, то содержанием индивидуологии должно было стать изучение всевозможных комбинаций внешних и внутренних факторов: остается только тщательно инвентаризировать «внутреннее» (типы конституций, задатки) и «внешнее» (факторы социального и физического порядка), и можно начинать работу. На такого рода прочтение замысла автора наталкивает особая тщательность, с которой он пропи-

сывает предполагаемое содержание субдисциплины *факторологии*, в плоскость которой входит среди прочего «изучение и учет амплитуд колебания количественно и качественно возможных многообразных реакций организмов различных типов и конституций на действия того или другого фактора или комплекса факторов (стимулов)» [2, с. 267]. И далее по тексту: «Сюда же будет включен и учет различных форм поведения в их обусловленности комплексно-влияниями различных систем факторов... Сюда же должны быть отнесены и вопросы об однолинейности и альтернативности в самой направленности комплекса факторов, равно как и их многолинейности (разнонаправленности) по отношению к их действиям на проявления личности. Помимо этого, проблема классификации факторов, обуславливающих поведение личности в той или иной мере, по их прерывистому или постоянному, равномерному или нарастающему действию, по их количественности и качественности...» [2, с. 267—268]. Автор даже предлагает выйти за рамки узкой задачи изучения обстановки, окружающей личность, и создать «психологию среды» (!), которая предполагает тщательное каталогизирование факторов, выделение типов сред, изучение основных типов комплексов факторов и проч.¹⁵

Такого рода взгляд на реальность подчиняется принципу тождества бытия и мышления, как допущению изначальной прозрачности мира для сознания. Однако, как уже было сказано выше, влияние этого принципа может быть обнаружено на уровне (неявных) методологических допущений автора, как то, что определяет познавательные возможности самого исследователя. Сформулирую это следующим образом: то, что можно помыслить или даже просто представить, существует. В более точной по отношению к нашей ситуа-

¹⁵ Скорее всего, идея факторологии сложилась как результат психотехнических исследований автора. Так, в отчете по учебной и научной деятельности за 1926—1927 учебный год ассистента педагогического факультета БГУ А. А. Гайворовского значится конструирование «аппарата для исследования сложных реакций на комплексные ситуации» [1, с. 125].

ции формулировке — то, что можно зафиксировать в словах, существует в самой практике, или же, еще более узко, — то, что можно соединить на бумаге, соединено и в реальности. Эта своеобразная вера в «магию слова», как мне кажется, объясняет пристрастие Гайворовского к изобретению терминов-кентавров: социально-органическое единство, интенционально-биологические и интенционально-социологические процессы и состояния сознания, биологическая символика сознания, биологические смыслы, анатомо-физиологические элементы поведения и т. д. При таком подходе все оказывается взаимосвязано со всем, возможны любые синтезы, даже рассмотрение интенциональной жизни сознания как родственной процессам дыхания и кровообращения [2, с. 262].

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что статью А. А. Гайворовского целесообразно рассматривать как один из симптомов, индикаторов сложившегося в первой трети XX-го века общего понимания (или даже просто ощущения) кризисного положения психологии, а также как попытку так или иначе дать ответ на вызовы времени. Другое дело, что неотрелексированность авторских исходных посылок, недостаточная теоретико-философская оснащённость заранее обрекают эту попытку на провал. Мне кажется далеко не случайным, что инициатива разрешить проблему множественности психологий исходит от *психотехника*, представителя ориентированной на практику психологии, которая, по мнению Выготского, является тем «местом», из перспективы которого становится видимой как неудовлетворительность сложившегося

состояния дел, так и возможные пути выхода из кризисной ситуации¹⁶. «Камень, который презрели строители, стал во главу угла».

Добавлю, что критиковать автора, который даже не может ответить, потому что давно умер, занятие относительно несложное и едва ли достойное, если речь идет о критике ради самой критики. В свое оправдание могу сказать, что цель представленного анализа несколько шире. Статья Гайворовского, со всеми ее огрехами и неувязками, актуальна по сей день как невольное предупреждение автора о тех тупиках, в которых может оказаться исследование, не отдающее должное методологической рефлексии¹⁷. Для нас ценность этой статьи, написанной девяносто лет назад, обусловлена тем, что она ставит нас лицом к лицу с болезненными проблемами психологической науки, не решенными до сих пор, в том числе — иллюстрирует неизбежность периодических попыток изобрести что-то вроде вечного двигателя в психологии, неотступность того, что вслед за А. Турушевым можно назвать «призраком интегративной психологии» [5].

Сегодня говорить о том, что состояние кризиса является нормальным для психологической науки, считается если не хорошим тоном, то, по крайней мере, чем-то вполне допустимым. При всех опасностях, связанных с нормализацией кризисного состояния, в частности — риска скатывания в абсолютный релятивизм, трудно отрицать, что единая парадигма в психологии так и не сложилась. Существует традиция рассматривать психологию как мультипарадигмальную науку, однако

¹⁶ Сама апелляция к «целостной личности» у Гайворовского, выбор именно этого, а не иного слова, как мне кажется, выражает стремление к построению психологии, которая была бы практически релевантной, значимой и полезной в самых разных жизненных контекстах.

¹⁷ Как пишет об исключительной важности методологической рефлексии в психологии Выготский: «Ни одна наука не представляет такого разнообразия и полноты методологических проблем, таких туго затянутых узлов, неразрешимых противоречий, как наша. Поэтому здесь нельзя сделать ни одного шага, не предприняв тысячу предварительных расчетов и предостережений» [4, с. 418].

сегодня, как и во времена Выготского, приходится говорить не столько о множественности психологий, сколько о множестве психологий. Как утверждает историк гуманитарных наук Роджер Смит, то, что психологии как единой дисциплины не существует, следует признать историческим и социальным фактом. «Психология» — это собирательное понятие, которое невозможно свести к чему-то одному. Для точности следовало бы говорить о психологиях во множественном числе» [6, с. 6]. В выражениях Выготского, ситуация, когда происходит «не борьба течений или направлений внутри одной науки, а борьба разных наук», должна рассматриваться как «вернейший диагноз кризиса и сейчас»¹⁸ [4, с. 374].

На сегодняшний день одной из основных линий противостояния между представителями разных типов психологии является качественно-количественная дихотомия. Несмотря на то, что дискуссии по поводу статуса, достоинств и недостатков, а также возможностей интеграции количественных и качественных методов в гуманитарных и социальных науках восходят к 70-м годам прошлого века, интерес к вопросам размежевания или корректного соединения двух методологий не ослабевает по сей день.

Как предполагают, в частности, Зази Тодд и ее соавторы, предпочтение исследователями качественного или количественного подхода *могло бы стать всего лишь вопросом выбора*, определяемого спецификой поставленной научной задачи, но по каким-то причинам подходы превратились в автономные идеологические и эпистемологические позиции. С точки зрения наиболее радикально настроенных сторонников количественных методов, изначально построенных по образцу естественно-научных, опора на качественные методы подрывает устои психологии как науки. С точки зрения их

противников, засилие количественных методов лишает психологию человеческого измерения, в то время как собственно человек во всем многообразии его проявлений должен быть в фокусе психологии как особой дисциплины. И если «качественники» обвиняют «количественников» в позитивизме, редукционизме, детерминизме и объективизме, то сторонники количественного подхода с не меньшей убежденностью в своей правоте обвиняют своих противников в расплывчатости и субъективизме. На сегодняшний день количественный подход по-прежнему рассматривают как основной, господствующий, а качественный — как альтернативный [7, с. 4].

Наиболее распространенной как среди западных, так и среди русскоязычных исследователей является точка зрения, в соответствии с которой различия между областями количественных и качественных исследований носят *парадигмальный характер*. В частности, А. М. Улановский в контексте задачи четкой артикуляции межпарадигмальных различий указывает на то, что «качественники» тяготеют к конструктивизму, а «количественники» сохраняют верность позитивизму. В данных координатах анализа справедливым оказывается то, что исследователи-антагонисты в определенном смысле действуют в разных универсумах, так как в своей работе исходят из принципиально различных онтологий [8]. Если позитивистская парадигма предполагает единство и объективность реальности, для которой возможен некий «правильный» способ познания, то конструктивизм допускает множественность реальностей, а в своей наиболее радикальной версии — социальном конструкционизме — даже настаивает на том, что предметности, которые изучает психология (психические структуры, механизмы и пр.) не обладают самостоятельным

¹⁸ В данном высказывании из «Психологического кризиса» Выготский, конечно же, имеет в виду собственный исторический контекст, однако его оценка удивительно органично накладывается на ситуацию начала XXI века.

существованием, но возникают как эффекты тех или иных исторически изменчивых и культурно относительных дискурсивных практик. В свою очередь, плюральность реальности делает неизбежной множественность способов ее постижения. «Конструктивизм оправдывает и восстанавливает в правах множество подавляемых и игнорируемых традиций, подходов, теорий и методов. Он поддерживает самые различные виды теорий и методологии, позволяющие систематическим и последовательным образом исследовать человека и общество. Сторонники конструктивистской парадигмы считают важным сохранение множества перспектив рассмотрения, способов описания и интерпретации явлений» [8, с. 32].

Принципиальным недостатком данной позиции, на мой взгляд, является то, что постулирование автономии парадигм предполагает задачу преодоления разрыва между ними, осуществление которой требует не просто комбинирования методов, но согласования базовых онтологических допущений.

Как уже говорилось ранее, попытки интегрировать психологическое знание не новы и всегда сопряжены с определенными рисками, которые прописаны уже у Выготского. В данном случае риск состоит в том, что искомый синтез может оказаться сугубо умозрительным. Как мне кажется, такого рода опасностей не избежала (при глубочайшем уважении к исследовательскому авторитету создателя) интегративная эклектика В. А. Янчука, которая, по мнению автора, позволяет гармонично сочетать номотетический и идиографический подход, исследовать в рамках социальной психологии универсальные, культурно специфические и сингулярные феномены. Однако сопряжение «номотетики», «имики» и «итики» становится возможным благодаря особому — интегративному — пониманию предмета психологии, которым становится «психологическая феноменология, определяемая границами бытия-в-мире самости как биопсихосоциальная социокультурно-

интердетерминированная многомерная сущность во взаимодействии с социальным и физическим окружением в рационально-иррационально-экзистенциальном измерении» [9, с. 208]. Не вдаваясь в детальный анализ, можно отметить, что в данном случае мы имеем нагромождение самых разнообразных «оптик» и перспектив, соединение которых, пожалуй, возможно только в рамках одного синтагматического ряда: такого рода синтез требует работы по опосредованию, с которой в истории философии пока никому не удалось успешно справиться.

Существует и иной, более прагматический подход к пониманию качественно-количественной дихотомии, с точки зрения представителей которого противостояние «парадигм» обусловлено не столько базовыми эпистемологическими и онтологическими постулатами, сколько политическими, идеологическими соображениями, и даже причинами меркантильного порядка. Речь может идти о вопросах лояльности, борьбы за научный авторитет, финансовой и временной затратности того или иного типа исследования и т. д. В данном случае «война подходов» проходит по ведомству не столько методологии науки, сколько социологии знания.

Как шутливо замечает Тодд, психологам следовало бы наслаждаться жизнью в раю методологического плюрализма. Однако в реальности структура выбора в пользу того или иного подхода оказывается довольно сложной и связана с определенной иерархией возможностей. Предпочтение, отдаваемое методу, может быть связано с соображениями «знаниевого» порядка, однако оно может быть обусловлено и чисто политическими резонами. Нередко выбор связан с выгодами от участия в хорошо финансируемой программе или тем, что использование определенного метода позволяет вписаться в господствующую парадигму. «В данном случае основным мотивом является не столько развитие науки, сколько возможность стать частью психологического истеблишмента» [7, с. 4].

Доводы против однозначности качественно-количественной дихотомии звучали еще в разгар «войны парадигм». Так, в работе под названием «Соотношение качественного и количественного исследований: верность парадигме или методологический эклектизм» (1996) Мартин Хэммерсли выражал серьезные сомнения по поводу наличия принципиальных различий между подходами даже в том, что касается такой базовой характеристики, как используемый тип данных: вербальных (в случае качественного подхода) и числовых (в случае количественного). На практике многие исследователи, не ввязываясь в методологические споры, спокойно комбинируют те и другие. Более того, при внимательном рассмотрении вербальные и числовые показатели оказываются взаимосвязанными. Как пишет Хэммерсли, «нельзя обнаружить однозначных различий между вербальными и числовыми, или даже между точными и неточными, структурированными и неструктурированными, контекстуализированными и деконтекстуализированными данными. Скорее, есть ряд более или менее точных, структурированных и контекстуализированных данных, среди которых мы производим выбор» [10]. Признавая невозможность совершенно отбросить качественно-количественную дихотомию на данном этапе, Хэммерсли предлагает иной способ обращения с нею. По его мнению, основную роль в планировании и проведении исследования может играть привязка к пяти основным стадиям / аспектам исследования: формулирование проблемы, отбор рассматриваемых случаев, получение данных, анализ данных, представление результатов исследования (communicating findings). Выбор адекватного метода, типа используемых данных, модели построения теории привязывается к тому или иному этапу / аспекту исследования. В рамках данной позиции различие между, скажем, экспериментальным методом и методом кейсов может быть сведено к специфике подбора исследуемых случаев; индуктивная

и гипотетико-дедуктивная модель могут использоваться в рамках одного и того же исследования, соотносясь с разными временными стадиями работы, или чередоваться и т. д. [10]. Сходный аргумент о сомнительности численно-вербальной дихотомии выдвигают многие исследователи. В частности, Т. Ангера и К. Искьердо формулируют «принцип взаимообратимости» (integration premise), в соответствии с которым качественные и количественные аспекты «имеют смысл только в соотношении друг с другом» [11].

Завершая краткое рассмотрение проблемы соотношения двух подходов, я считаю важным привести мнение австралийского психолога Патриции Бейзли, которая посвятила много времени и усилий консультированию исследователей, представителей университетов, других субъектов по вопросам развития академических исследований, в частности, применения количественных, качественных и смешанных методов. Говоря об условности качественно-количественного противопоставления, Бейзли, в частности, указывает, что такие хорошо известные методы, как Q-методология Стивенсона и техника репертуарных решеток Келли, являют собой прекрасные, хорошо зарекомендовавшие себя образцы соединения качественного и количественного подходов. Соответственно, актуальным вызовом, адресованным представителям социальных и гуманитарных наук, она считает не поиск новых синтезов, а необходимость опознать связь между качественными и количественными аспектами в тех методах, которые уже *используются* исследователями, а также в том, чтобы реализовать понимание этой связи на уровне научно зрелых интерпретаций [12].

В заключение позволю себе высказать соображение общефилософского характера. Напомню, что в метафизике постулирование двух субстанций ставит перед философом проблему межсубстанциального синтеза, которая, если брать случай Декарта, решается за счет

введения метапозиции Бога. Как мне кажется, нечто подобное происходит, если рассматривать качественный и количественный подходы в терминах противостояния двух парадигм. Межпарадигмальный разрыв предполагает попытки синтеза и поиски метапозиции, рискованность которых связана с тем, что синтез, интеграция могут оказаться сугубо спекулятивными и стерильными с точки зрения исследовательской практики. Статья Гайворовского, которой посвящена основная часть этого текста, дает нам гротескный пример того, что интегрирование всего со всем может оказаться самой безбожной эклектикой.

Психология, в той мере, в какой она ориентирована на целостное схватывание человеческой психики в различных ее измерениях и проявлениях, обречена на решение непосильной задачи в силу многоаспектности предмета и несводимости его аспектов друг к другу. Возможно, для осуществления этой непосильной, но не снимаемой задачи позиция осознанного эклектизма, точнее, «методологически искушенного эклектизма», о котором писал Мартин Хэммерсли, оказывается более адекватной. Быть может, решение проблемы множественности подходов должно находиться в личности самого исследователя, методологически искушенного, понимающего возможности разных подходов, умеющего работать в них (!) и формулирующего конкретную стратегию исследования исходя из специфики той исследовательской проблемы, которую он берется решить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандыбович, Л. А. Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20—30-е гг. XX ст.) / Л. А. Кандыбович, Н. Ю. Стоюхина. — Минск : Тесей, 2009. — 328 с.
2. Гайворовский, А. А. Биологические и социальные основы современной психологии / А. А. Гайворовский // Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20—30-е гг. XX ст.) / Л. А. Кандыбович, Н. Ю. Стоюхина. — Минск : Тесей, 2009. — С. 260—279.

3. Лихи, Т. История современной психологии / Т. Лихи. — СПб. : Питер, 2003. — 448 с.
4. Выготский, Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. — Собр. соч. в 6 т. — Т. 1. — М. : Педагогика, 1982. — С. 291—436.
5. Турушев, А. В. Призрак «интегративной психологии» / А. В. Турушев // Пси-фактор [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/turushev.htm>. — Дата доступа: 03.01.2017.
6. Смит, Р. История психологии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. Смит ; пер. с англ. А. Р. Дзюзя, К. О. Россиянова ; науч. ред. И. Е. Сироткина. — М. : Издат. центр «Академия», 2008. — 416 с.
7. Mixing Methods in Psychology: the Integration of Qualitative and Quantitative Methods in Theory and Practice / ed. by Z. Todd, B. Nerlich, S. Mckeown, D. Clarke. — Hove ; N.-Y. : Psychology Press, 2004. — 245 p.
8. Улановский, А. М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии / А. М. Улановский // Вопросы психологии. — 2006. — № 3. — С. 27—37.
9. Янчук, А. В. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования / А. В. Янчук // Методология и история психологии. — Том 2. — Вып. 1. — С. 207—226.
10. Hammersley, M. The Relationship Between Qualitative and Quantitative research: paradigm loyalty versus methodological eclecticism // ResearchGate [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/43769692_The_relationship_between_qualitative_and_quantitative_research_Paradigm_loyalty_versus_methodological_eclecticism. — Дата доступа: 30.01.2017.
11. Anguera, M. T. Methodological Approaches in Human Communication: From Complexity of Perceived Situation to Data Analysis / M. T. Anguera, C. Izquierdo [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.universidad-de-la-calle.com/Anguera6.pdf>. — Дата доступа: 20.01.2017.
12. Bazeley, P. Mixed or Merged? Integration as the Real Challenge for Mixed Methods / P. Bazeley // ResearchGate [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/307981297_Mixed_or_merged_Integration_as_the_real_challenge_for_mixed_methods. — Дата доступа: 23.01.2017.